

## ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИНТЕПРЕТАЦИИ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ОПЫТА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ И ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА

**Жайрона Бехзодовна Гофурова**

*Преподаватель Самаркандского кампуса университета*

*Экономики и педагогики*

*[jayronagafurova17@gmail.com](mailto:jayronagafurova17@gmail.com)*

*<https://orcid.org/0009-0000-8361-1306>*

**Аннотация:** Статья посвящена анализу художественных способов репрезентации советского и постсоветского исторического опыта в современной русской литературе на материале произведений Гузель Яхиной и Евгений Водолазкин. Рассматриваются особенности авторских стратегий работы с исторической памятью, национальной идентичностью и культурной травмой. Выявляются сходства и различия в художественных моделях осмысления прошлого, а также роль нарратива, символики и жанровых форм в реконструкции исторического опыта.

**Ключевые слова:** современная русская литература, историческая память, постсоветская проза, художественный дискурс.

В современной гуманитаристике всё более заметным становится интерес к художественному осмыслению исторического прошлого, поскольку литература функционирует не только как эстетическая форма, но и как особый механизм культурной рефлексии. После распада СССР обращение к советскому опыту превратилось в одну из ключевых тем прозы XXI века: писатели рассматривают его как пространство коллективной памяти, исторических травм и мировоззренческих противоречий.

При этом история в новейшей литературе осмысляется уже не как фиксированная цепь фактов, а как поле интерпретаций и смысловых реконструкций. Художественный текст выступает своеобразной площадкой диалога между индивидуальным воспоминанием и коллективным историческим сознанием. В этом контексте особую значимость приобретает понятие «постпамяти» — специфической формы переживания прошлого поколениями, которые не были его непосредственными свидетелями.

Современной прозе в целом свойственны несколько характерных тенденций: субъективизация исторического нарратива, отказ от линейной хроникальности и усиление роли частной судьбы как ключа к пониманию

эпохи [1]. Эти черты отчётливо прослеживаются в произведениях Яхиной и Водолазкина, хотя реализуются у них через различные художественные стратегии.

Тексты Яхиной преимущественно сосредоточены на травматических страницах советской истории — репрессиях, депортациях, раскулачивании, лагерном опыте. Её авторская модель строится на сочетании документальной точности с образной выразительностью повествования.

Характерные черты поэтики Гузель Яхиной проявляются прежде всего в пристальном внимании к судьбе «маленького человека», оказавшегося внутри масштабных исторических процессов. Писательницу отличает стремление к натуралистически точной детализации быта, благодаря чему изображаемая эпоха приобретает зримую, почти осязаемую фактуру. Не менее значим психологизм повествования: внутренний мир персонажей раскрывается постепенно, через переживания, сомнения и нравственные коллизии. Важную роль играет и этнокультурная перспектива, позволяющая показать историю через призму национального опыта и традиций.

История в ее произведениях предстает не абстрактным фоном, а мощной силой, вторгающейся в частную жизнь человека и меняющей траекторию его судьбы. При этом автор избегает прямых идеологических оценок, словно намеренно оставляя пространство для самостоятельных выводов читателя.

Особое место занимает мотив выживания — как физического, так и духовного. Герои оказываются в пограничных обстоятельствах, где каждое решение приобретает нравственный смысл. В результате историческая катастрофа осмысливается не только как трагедия эпохи, но и как испытание человеческой личности.

Из романа «Зулейха открывает глаза»:

«Зулейха открывает глаза.» [7]

Эта начальная фраза задаёт ключевой символический мотив романа — пробуждение личности, сознания и исторической памяти. Её можно вставить в раздел анализа художественной концепции истории как пример метафорического начала повествования.

В отличие от Гузель Яхиной, Евгений Водолазкин выстраивает художественный мир не столько на реконструкции конкретных исторических событий, сколько на философском осмыслении времени как фундаментальной категории бытия. Его произведения соединяют разные эпохи и тем самым разрушают привычное представление о линейности исторического процесса, заставляя читателя воспринимать историю как

многомерное пространство смыслов.

К ключевым особенностям его авторской концепции можно отнести:

- циклическое понимание времени;
- органичное соединение исторического и метафизического планов;
- выраженную религиозно-философскую проблематику;
- активную интертекстуальность.

При этом история в прозе писателя предстает не просто социальной реальностью или фоном повествования, а своеобразным духовным опытом человечества. Автор убеждает читателя, что нравственные вопросы остаются неизменными вне зависимости от эпохи. Именно поэтому прошлое у него нередко выступает зеркалом настоящего, позволяющим глубже осмыслить современность.

Из романа «Лавр»:

«Время — это не то, что проходит, а то, что остаётся.»[2]

Цитата отражает философскую концепцию автора: время понимается не как линейный процесс, а как духовная категория. Её лучше использовать в разделе о метафизическом понимании истории.

Если у Гузель Яхиной история предстает прежде всего как трагический опыт народа, то у Евгения Водолазкина она раскрывается как универсальный метафизический процесс. Сопоставление их творчества позволяет заметить принципиальные различия в подходах к изображению прошлого.

Общее в их подходах:

- проявляется интерес к исторической памяти;
- важна судьба личности в потоке исторических событий;
- наблюдается стремление осмыслить национальную идентичность.

Ключевые различия:

- Яхина сосредоточена на исторической конкретике, тогда как Водолазкин стремится к философской универсальности;
- у Яхиной доминирует социально-психологическая перспектива, а у Водолазкина — метафизическая;
- Яхина реконструирует прошлое, в то время как Водолазкин его переосмысливает.

Таким образом, их тексты можно рассматривать как две модели исторического сознания современной литературы: документально-реалистическую и философско-символическую. Современная русская проза все чаще демонстрирует тенденцию к переосмыслению прошлого через призму индивидуального опыта героя. Возможно, это связано с изменением культурной парадигмы: история перестает быть объективной истиной и превращается в интерпретацию,

которую автор предлагает читателю осмыслить самостоятельно.

Произведения рассматриваемых авторов наглядно подтверждают, что художественный текст способен служить формой культурной рефлексии и одновременно способом восстановления исторической целостности. На мой взгляд, анализ творчества Гузель Яхиной и Евгения Водолазкина демонстрирует, что современная русская литература активно переосмысливает советский и постсоветский опыт, применяя различные художественные стратегии.

Яхина чаще сосредотачивается на конкретных исторических трагедиях и судьбах отдельных людей, что позволяет подчеркнуть драматизм целой эпохи. Между тем Водолазкин обращается к истории через философское измерение, стремясь выявить вечные духовные закономерности и смысловые слои прошлого.

Таким образом, их произведения демонстрируют полифоничность современного литературного сознания, где соседствуют разные модели интерпретации прошлого — от документально-реалистической до символично-метафизической. Примечательно, что именно такая многослойность позволяет современной литературе выступать не только как форма художественной рефлексии, но и как способ культурного самопознания общества.

### ИСТОЧНИКИ

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
2. Водолазкин Е. Г. Лавр : роман. — Москва : АСТ, 2012. — 440 с.
3. Водолазкин Е. Г. Авиатор : роман. — Москва : АСТ, 2016. — 410 с.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1998. — 285 с.
5. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. — Москва : Канон-Пресс, 2007. — 348 с.
6. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. — Москва : Высшая школа, 2005. — 495 с.
7. Яхина Г. Ш. Зулехха открывает глаза : роман. — Москва : АСТ, 2015. — 512 с.
8. Яхина Г. Ш. Дети мои : роман. — Москва : АСТ, 2018. — 496 с.